

чившему „последняго цѣлованія“, Его Преосвященствомъ произнесены были рѣчи. ниже помѣщенные.

Послѣ отданія почившему „последняго цѣлованія“, гробъ вынесенъ былъ изъ храма, обнесенъ вокругъ него по окружающей его галлерей, потомъ снесенъ внизъ, на площадь, и поставленъ на катафалкъ. Печальная процессія двинулась... Его Преосвященство, по причинѣ сильного утомленія и дурной, мокрой погоды, сопровождалъ останки почившаго до Михаило-Архангельской церкви, духовенство же и публика представлявшая собой сплошную массу на протяженіи двухъ кварталовъ, провожали до часовни, что на московской улицѣ, около тюремнаго замка. Но многіе изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ проводили почившаго до самой могилы.

Іоаннъ Васильевичъ похороненъ на Воскресенскомъ кладбищѣ, около самой церкви, на томъ самомъ мѣстѣ, которое еще за годъ до кончины онъ избралъ для себя и супруги своей, Елизаветы Платоновны, которая пережила его только на одну недѣлю († 30 окт.) и похоронена рядомъ съ нимъ въ одномъ склепѣ.

Передъ опущеніемъ тѣла Іоанна Васильевича въ могилу, съ него снята фотографія, на которую, какъ и на прежнія его фотографіи, снятыя при жизни его, къ роднымъ его предъявленъ такой спросъ со стороны его бывшихъ прихожанъ и не-прихожанъ, что удовлетворить этотъ спросъ рѣшительно нѣтъ никакой возможности.—Пусть хоть это послужитъ сиротамъ и роднымъ почившаго въ утѣшеніе!

І.

Рѣчь надъ гробомъ о протоіерея Іоанна Васильевича Смѣльскаго, сказанная свящ. Г. И. Махровскимъ во время литургіи, въ обычное время.

Преосвященнѣйшій Владыко,
отцы и братіе въ Христѣ!

Предстоящій гробъ содержитъ въ себѣ тѣлесные останки, которые были вмѣстилищемъ мощнаго духа, крупныхъ

и разнообразныхъ духовныхъ дарованій, посвященныхъ, если не исключительно, то главнымъ образомъ на служеніе Богу и его святой церкви. Необинуясь скажемъ, что почившій служитель алтаря Господня былъ далеко необыкновенный, а избранный сосудъ благодати Божіей, освящавшій и проосвѣщавшій его духовныя силы и дарованія. Не мнѣ, хотя и ближайшему, но юному и маломощному, и сравнительно съ нимъ, сотруднику его въ дѣлѣ пастырскаго служенія въ этомъ святомъ храмѣ, брать на себя нелегкую задачу все-сторонней оцѣнки его бесспорно крупной и богато одаренной личности. Да и время для такой оцѣнки далеко еще не пришло, ибо и всѣ подобныя лица узнаются, понимаются и оцѣниваются далеко не вдругъ и не сразу, а только по истеченіи болѣе или менѣе значительнаго времени по ихъ кончинѣ. И это по законамъ и причинамъ, о которыхъ разсуждать здѣсь неблагоприятно.

Отдавая послѣдній долгъ усопшему, укажу только, по своему крайнему разумѣнію, нѣкоторыя наиболѣе крупныя и поучительныя черты его нравственнаго облика, насколько эти черты отразились въ его внѣшней жизни и дѣятельности, болѣе или менѣе доступныхъ наблюденію и болѣе или менѣе извѣстныхъ для всѣхъ, предстоящихъ у его гроба.

Твердая вѣра въ Промыслъ Божій и всецѣлая и безповоротная покорность Провидѣнію Божію, устрояющему въ во благо жизнь каждаго и человѣка—вотъ первая и самая крупная черта его нравственнаго характера. Въ ней, этой вѣрѣ, онъ черпалъ свою силу среди всякихъ перемѣнъ, тягостей и превратностей жизни, которыхъ, конечно, не избѣжалъ и онъ, ибо всѣмъ намъ, христіанамъ, суждено Богомъ многими скорбями войти въ царствіе небесное. Въ подтвержденіе этого, укажу случай изъ его жизни, извѣстный мнѣ изъ собственнаго его разсказа,—случай мелкій, но и очень характерный относящійся къ одному изъ важ-

ныхъ моментовъ его жизни. Предъ самымъ выходомъ изъ высшей богословской школы, въ которой онъ развивалъ и укрѣплялъ свои духовныя силы и дарованія, весьма многие изъ его товарищей, по обыкновенію, давая полную волю своей фантазіи, мечтали и громко разсуждали о своихъ будущихъ подвигахъ и дѣятельности на пользу общества, о своей славѣ и земномъ счастьи и строили разнообразныя планы относительно будущаго.

Усопшій о. Протоіерей, тогда еще юноша, какъ и всѣ его товарищи, но и тогда уже отличавшійся крѣпкимъ разсудкомъ и здравымъ и свѣтлымъ взглядомъ на жизнь и ея задачи, не принималъ никакого участія въ этихъ разговорахъ и этихъ праздныхъ и бесполезныхъ мечтаніяхъ. На вопросъ удивленныхъ товарищей: почему онъ не помышляетъ о своемъ будущемъ? какъ онъ будетъ жить, когда выйдетъ изъ школы?—онъ просто и скромно отвѣтилъ: „буду жить, какъ живется“, т. е. буду жить, какъ Богу угодно будетъ направить и устроить мою жизнь. Здѣсь, какъ намъ кажется, онъ и высказалъ основное, мудрое и истинно христіанское правило своей жизни: живи такъ, какъ Богу угодно, не думай; не думай, что въ твоей жизни есть что-либо случайное и отъ Бога независящее; смотри на всѣ перемѣны въ своей жизни, какъ на дѣло Промысла Божія, устрояющаго наше благополучіе и спасеніе.

Смотря такимъ правильнымъ и трезвымъ взглядомъ на жизнь, усопшій о. протоіерей съ изумительнымъ терпѣніемъ и твердостью переносилъ всѣ тягости жизни, не исключая и того тяжелаго недуга, который свелъ его во гробъ. Этотъ недугъ, развившійся до крайней степени только въ послѣднее время, сталъ замѣчаться въ немъ уже давно, но все это время онъ, по обыкновенію, съ отнѣннымъ усердіемъ работалъ и трудился и не разу не возропталъ на тягость жизни и трудовъ. А по словамъ окружавшихъ его

передъ самую смертію лицъ, ему и тогда еще хотѣлось жить и трудиться, и онъ вѣровалъ въ продленіе этой жизни и этого труда.

А его необычайное и всѣмъ извѣстное трудолюбіе— это другая крупная черта его характера—объясняется все тѣмъ же мудрымъ правиломъ его жизни: „живи, какъ живется“. На всякое дѣло и всякій трудъ, какой былъ указываемъ ему Промысломъ Божиимъ, волею предержавшихъ властей, онъ смотрѣлъ именно какъ на дѣло Божіе, какъ на служеніе Богу, и потому брался за всякій трудъ и всякое дѣло вполнѣ охотно, серьезно и съ любовью и съ полною вѣрою во всесильную помощь Божию.

Здѣсь же заключается разгадка и необычайныхъ успѣховъ усоншаго самыхъ разнообразныхъ трудовъ: и на поприщѣ педагогическомъ, и на церковно-административномъ, и въ частности на поприщѣ пастырскаго служенія Церкви Христовой. Въ самомъ дѣлѣ: онъ никогда не отказывался ни отъ какого, самаго труднаго и, повидимому, для него на склонѣ жизни, непосильнаго дѣла, каково, напр., дѣтъ десять тому назадъ выпавшее на его долю весьма важное, многополезное, но и самое трудное дѣло первоначальнаго устройства и направленія церковно-приходскихъ школъ въ нашей епархіи. И никакое дѣло у него изъ рукъ не выпадало; напротивъ, всякое дѣло оканчивалось успѣхомъ. Не потому-ли это, что Господь Богъ, благословляющій и укрѣпляющій всякаго труженника, особенно помогаетъ именно такимъ честнымъ и безкорыстнымъ труженникамъ, каковъ былъ почившій. Правда, съ дѣломъ онъ никогда не слѣпшилъ, но это потому, что онъ хорошо понималъ, что непослѣдность и суетливость почти всегда вредятъ успѣху всякаго дѣла.

Необычайная стойкость и твердость во всякомъ правомъ и полезномъ дѣлѣ, какое ему приходилось защищать и отстаивать, проявлявшаяся иногда въ неприятныхъ для окру-

жавшей его среды, рѣзкостяхъ, — неприятныхъ особенно потому, что покойный вообще не любилъ многословія и пустого краснорѣчія „ради краснорѣчія“, не любилъ и объяснять другимъ истинныя дѣла, побужденія и вообще истинный смыслъ своихъ поступковъ, — тоже крупная черта въ его характерѣ. Но кто осмѣлится осуждать его за это? — развѣ только тотъ, кто мало любитъ и цѣнитъ всякую правду въ жизни и кто мало знакомъ съ тѣмъ, какъ иногда трудно бываетъ защищать ее даже лицамъ, облеченнымъ широкими правами и властью... Кажется, мы не ошибемся если скажемъ, что наиболѣе правдивые и прямые люди являются и явятся и наиболѣе усердными почитателями заслугъ и памяти почившаго о. Протоіерея. Въ самомъ дѣлѣ: чѣмъ же виноватъ онъ былъ, что его мысли и планы другіе не понимали сразу, а между тѣмъ ему, при его дѣловитости, некогда было давать непонимавшимъ его разъясненія...

Его необычайная правдивость и, по временамъ, суровая прямота особенно проявлялись въ его устной и письменной рѣчи или словѣ. Не потому-ли Богу угодно было сдѣлать его не только пастыремъ и учителемъ словеснаго стада Христова, но и руководителемъ другихъ въ дѣлѣ пастырскаго учительства и проповѣдничества? Его устная и письменная рѣчь отличалась изумительной прямою и простотою; не было въ ней ничего лишняго, фальшиваго, ничего искусственнаго, никакихъ громкихъ словъ и выраженій и даже самыхъ употребительныхъ прикрасъ рѣчи. Вообще, онъ любилъ рѣчь простую, но умную и содержательную, какою всегда и была его собственная, серьезная рѣчь. Это особенно надо сказать объ его „рѣчахъ“, произносившихся имъ въ храмѣ Божіемъ и особенно въ высокаторжественные дни и великіе праздники церковные. И кто изъ обитателей града нашего не слышалъ и не помнитъ этихъ „рѣчей“ почившаго?...

Почившій во Христвѣ и высокоуважаемыйъ послужитель церкви Христовой! какъ хотѣлось бы и мнѣ, до нѣкоторой степени ученику твоему, почтить память твою именно такою рѣчью и такимъ именно словомъ! Но нѣтъ! такая рѣчь неподражаема: она плодъ твоихъ особенныхъ духовныхъ дарованій, твоего вполне зрѣлаго ума, твоихъ прочно установившихся воззрѣній и убѣжденій и твоей многолѣтней житейской опытности.

Если я не ошибся въ этой слабой оцѣнкѣ твоей личности, то позволь мнѣ, въ заключеніе, сказать отъ твоего имени:

„Достопочтенные отцы и во Христвѣ братіе! не увлекаясь никакими пустыми и несбыточными мечтами, „живите, какъ живется“, дѣлайте ревностно, серьезно и съ любовью всякое, выпавшее на вашу долю, дѣло; будьте правдивы и искренни во всякомъ словѣ и дѣлѣ. И Богъ благословитъ труды ваши и устроитъ путь вашъ во спасеніе, и вы съ дерзновеніемъ, какъ и я теперь, нѣкогда предстанете къ престолу Неумытнаго и Праведнаго Судіи всѣхъ—Бога.

Троицкой г. Саратова церкви, священникъ

Геннадій Махровский.

II.

Рѣчь при погребеніи протоіерея Іоанна Васильевича Смѣльскаго, сказанная ключаремъ кафедральнаго собора протоіереемъ **І. В. Ивановскимъ** во время отпѣванія.

„Опять гробъ, опять могила, опять иѣсни погребальныя!... Среди всеобщаго плача о кончинѣ возлюбленнаго Государя нашего слышится плачь у гроба сего. Отходитъ въ вѣчность іерей одинъ изъ старѣйшихъ, почтеннѣйшихъ и разумныхъ іереевъ нашихъ,—отходитъ нечаянно, неожиданно. Да! жизнь человѣческая на землѣ—поистинѣ *цвѣтъ сельный, роса утренняя*. Базалось, въ этомъ неутомимомъ тѣ-